

Иван Лукаш

Судьба императора

Иван Лукаш
Судьба императора

«Public Domain»

1923

Лукаш И. С.

Судьба императора / И. С. Лукаш — «Public Domain», 1923

«...И в подушку лицом лег. И все понял и вспомнил... Молодые солдатики белобрысые, пехота его в кожаных киверах и в серых балахонах, на суконных погонах вензеля «N» и черныя цифры 36, 39, 108, 304... Артиллерийские паркы в снегах колесами черными колыхают. Свищут равнины. Конь его белый, конь его снежный и под копытами мякоть скользит, трупы остылые. Генералитет головы пред ним обнажил. На тугих воротниках позументы, парча и мундиры парадные, как будто нафталином припахивают. От запаха нафталина он носом повел, голову поднял, а над головой – знамена, пики, орлы и сияют светлым снегом горныя вершины...»

© Лукаш И. С., 1923

© Public Domain, 1923

Содержание

I.	5
II.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Лукаш

Судьба императора

Судьба играет человеком

Она изменчива всегда...

Песня о Наполеоне.

I.

Бакенбарды Его Превосходительства – котлеты рубленые, коричневые и присыпаны седым перцем.

Голова на бок не вся, но со лба. Нянька в детстве повернула. Нос в одну сторону – нос мясистый, в жилках, – гроздевидное нечто, лиловатое, виноградное, – а лоб в другую. А может акушерские щипцы, при рождении наложенные, оставили неизгладимый след свой на челе Его Превосходительства.

Чиновники, и даже курьеры, прозвали Его Превосходительство – Первернухой. За кривую голову, всего вероятнее...

Вообще непонятно, какие головы бывают у людей – внешности, так сказать, или личности.

Экзекутор Агафангелов – действительно фамилия! – чешет на лысину волосы прилизанным коровьим языком. Шишки имеет над бровями, подобно двум кулакам, а лицо безбородое – безлосое лицо, голый волдырь, или, чтобы красивее – степь безкрайнюю, серую. А глазками мигает – левым, правым – очень часто, – которым не уследить. И часто почихивает, поднося ладонь ручкой к носу и прячется из вежливости, за конторку...

Экзекутор Агафангелов в зеркало любит смотреться, что в прихожей, внизу над ларем швейцара Казимира. Зеркало свинцовое, старинное, в раме квадратной. Прибито гвоздиком в 1843 году, то есть, семьдесят лет назад, при императоре Николае Павловиче, в Бозе почивающем.

Казимир с того времени швейцар, по счету седьмой. Швейцары всех долготнее в Департаменте и может Казимир представляется, что он новый, восьмой, считая от дня прибития гвоздика. Сидит и сидит, а кто сидит – неизвестно... Костлявые, морщинистые руки, холодные длани тянутся, трясась, из темноты, стягивают деревянные калоши Его Превосходительства, шинелишки и пальтишки чиновников. А кто в темноте – не видать. Может швейцар, а может одна туманность и костлявая рука.

Экзекутор Агафангелов любит оправлять перед зеркалом галстук, плетенку пеструю.

– Темно тут, братец, у нас, ни черта не видать!

– Кого-с? Точно так: ни черта.

– И как же ты, братец, на императорской, коронной, можно сказать, службе, а поляк?

– Кого-с? Так точно – поляк...

Так вот, у этого экзекутора лик, как голый волдырь или серая степь, но дуги надгробные, подобны Сократовым.

А столоначальник Изумрудов, хотя и носит фамилию драгоценную, но походит на утку ошипанную. И борода у него есть и булавка в галстухе с камушком, а все же – утка.

И еще столоначальник Смышленов, тяжелый человек, от подмышек ладаном пахнет и кислицей, когда ходит, половицы скрипят – подгибаются – «пожалейте нас, роденькие мои» – так тот лицо имеет багровое и заплылое. В точь – дикий кабан.

А курьер Павлюк, седой, чинный, бакенбарды серебряные, в талии стройный, в движениях торжественный – напоминает видом своим Александра II Освободителя, на канавке Екатерининской убиенного.

Копиист же Ванюшин, отрок бледный, неслышный, с ячменем на веке левом – если бы не ячмень, походил бы и русым волосом своим и тонким ликом с ресницами трепетными – на младого святого, именем незнатного, про которых в святцах пишется: «и множим иже с ним, убиенные и муки в страстях восприявшие...».

А Андрей Сорочкин, коллежский регистратор, не только сам по себе такое о лицах человеческих думает, но и в газетах читал, что вот в берлинском будто Зоологическом саду поставлены фигуры как бы человечьи, а ежели приглядеться – один явный осел и другой – сова, а третий – свинья обыкновенная...

Сидит Андрей Сорочкин за шкапом – темным, огромным, где Своды Законов, синия полки и на нижней полке разбиты, пыльные чернильницы, газеты прожелтелыя, читанныя давно Его Превосходительством Перевернухой.

Сидит, из за шкапа присутствие наблюдает: как пишут согнувшись, как курьер Павлюк с чаем проходит – царь стройный, серебряный, в бакенбардах.

Сорочкину дело – бумаги сшивать шнуром государственным, перевитым в три цвета: желтый, черный и белый. Он сшивает и думает:

Вот о подобии лик человеческих ликам звериним. И еще о бородах. Почему бороды растут, как трава. А что если бы у всех, да были бы бороды зеленые, да чтоб лохматые. Вышел на улицу, что в зеленое, буйное поле. А может и сами-то люди – как трава, покуда не скошены.

II.

Всякия люди на всякия дороги выходят, а дорога Сорочкина зашла в темный угол, за шкаф, в правительственное место. Когда покойный его батюшка, архивариус Синода Святейшаго, тоже Андрей и тоже Сорочкин, в чине надворного советника скончался – Андрюша уже в пятый класс гимназии классической бегал.

Мечтал его батюшка, архивариус, – жить бы Андрюшке образованным и университеты окончить и в генералы статские выйти. Да мечтания надворного советника прервала, как говорится – смерть...

Андрюша-то в гимназию лет пятнадцать назад бегал, а все помнит какие там светлые классы, храмы холодные, и что трезвонил звонок, а на уроках словесности Капитон Тихоныч – царствие ему небесное, от сгоревшаго легкаго помер, – голосом кротчайшим и трепетным читал стихи Пушкина.

За пятнадцать лет живот округлился, ляжки поплотнели и ножки короткия до пола со стула не достают. По причине округления живота, пуговка на жилете отстегнута. А может – оборвалась: пришить некому. Матушки нет, жены нет... Матушка умерла, когда он себе ножку в зыбке сосал. И какая была матушка – он не помнил, но будто вроде облака темнаго и выше темнаго шкафа, а сама в зыбком чепце и говорит по французски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.